

A man with a short haircut and light beard, wearing a white button-down shirt, holds a young girl with blonde pigtails and a yellow bow. The girl is wearing a yellow dress and has freckles. They are in a fairground setting with a Ferris wheel, flags, and a tall tower in the background under a sunset sky.

ЛИНА
КАРО

Дашка -
потеряшка для
ПАПЫ-ОЛИГАРХА

ТЫ МОЙ ПАПА? ОТВЕЧАЙ!

Лина Каро

**Дашка-потеряшка для папы-
олигарха. Ты мой папа? Отвечай!**

«Автор»

2026

Каро Л.

Дашка-потеряшка для папы-олигарха. Ты мой папа? Отвечай! /
Л. Каро — «Автор», 2026

— Папа, пливает, тебе помощь нужна? Отказаться от помощи рыжего солнышка я не могу, но вот засада — детей-то у меня нет! А эта малышка уверенно утверждает, что я ее папа! — Тебя плосто злая ведьма заколдовала, но я знаю способ, как тебя ласколдовать! — И как? — Ты должен поцеловать мою маму! Нет, вообще тема мне нравится, пока я не узнаю, кто мама этой потеряшки. И складываю пазл. — Это моя дочь? Он выставил меня на улицу, я не смогла сообщить о беременности, а теперь, спустя пять лет, он врывается в нашу жизнь и хочет отобрать самое ценное, что у меня есть. — Она моя дочь, и я ее забираю!

© Каро Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дашка-потеряшка для папы-олигарха. Ты мой папа? Отвечай!

Глава 1

— Папа, плывет, тебе помощь нужна?

Поднимаю бровь, разглядывая солнечно-желтое чудо, которое буквально выкатилось к моим ногам, ловко устранив соперницу в розовом, которую привели мне на помощь.

Папа. Интересное кино.

Нет, в моей жизни были истории, когда дамочки предъявляли мне тесты или животы, но стоило заговорить о том, что неплохо бы сдать анализ на ДНК, как дамочки тут же испарялись.

Этому солнышку анализ не предъявишь.

— Пап, я помогу! Я умею! Плавда!

— Ну, если плавда, — чуть поддразниваю я, — то помогай!

В конце концов, уже пора открывать этот чертов парк аттракционов и перерезать эту чертову ленточку.

Правда, я должен был это делать не с самозванкой в желтом платье, а со своей невестой.

Еще пять минут назад я считал, что будет именно так.

Солнце слепило глаза, когда я поднимался на небольшую сцену.

Внизу уже собралась толпа — дети тянули родителей за руки, журналисты настраивали камеры, ведущий проверял микрофон.

Всё было готово к открытию.

Всё, кроме одного.

Такого-то игрушечного фига.

Место рядом со мной пустовало.

Невеста опоздала — снова. Зараза.

Мой гнев разогнался до небес за секунду, как мотор навороченной “Теслы”.

— Милый, я уже еду.

— Пошла ты...

Я оборвал звонок, велев ей даже не приезжать.

Но проблемы это не решило.

— Найдите кого-нибудь вместо нее, — сухо сказал помощнику, поправляя ленту. — Быстро.

— Кого? Женщину? — хлопая глазами, уставился на меня он.

— На хрена мне женщина? — уставился я в ответ, а потом понял.

Ну да, он прав, что спрашивает. Невеста же женщина.

Посмотрел туда, где собрались гости открытия с надеждой.

Я открываю парк аттракционов. Детский. Это мое детище. Моя давняя мечта.

Я вообще люблю детей и давно мечтал стать отцом, только...

Не важно.

Еще раз окинул взглядом волнующуюся в нетерпении толпу детей и родителей. Детей.

Стоп, точно! Детей!

Я нашел выход.

— Найди мне девчонку. Самую яркую и красивую, быстро.

Он кивнул и тут же исчез в толпе.

Через минуту вернулся, ведя за руку маленькую перепуганную малышку в пышном розовом платье.

Она упиралась, на глазах слезы, под сценой — радостная мамашка.

И тут — бам! — маленький ураган в солнечном платье врезался в нее с разбегу.

Рыжие кудри, рассыпанные по плечам, веснушки на вздернутом носике, а глаза — большие, ярко-зеленые, с озорными золотыми искорками.

Бам — это мягко сказано.

Девушка в розовом ревет. Конфетти, шоколад, вишневый сок — всё это теперь живописным пятном расплывается по ее пышной юбочке.

А я слышу то самое, заветное:

— Папа, плывет, тебе помощь нужна?

И теперь я смотрю в ее лучистые зеленые глаза и медленно прихожу в себя.

Папочка, значит?

Ее личико озаряется такой солнечной улыбкой, что невольно шуришься.

Она подпрыгивает на месте и смотрит на меня с безудержным любопытством, будто мы старые друзья.

— Я хочу помочь, папочка, — говорит девчуля, и в ее звонком голосе столько искренней радости, что на миг перехватывает дыхание...

Я застываю. У меня нет детей. Хотя когда-то, давно, я представлял себе совсем другую жизнь — шумный дом, где кто-то ждет меня после работы, детский смех во дворе.

Сначала ждал братика или сестричку, но родители всегда были заняты своим бизнесом, а потом и я...

А когда встретил ее, думал — вот оно, наконец-то. Мы даже имена для детей придумывали. Пока она не предала меня так подло... Что ж...

И вот теперь передо мной стоит эта рыжая бестия, перепачкавшая сопернице платье, и смотрит так, будто я действительно ее папа.

В глазах — ни капли сомнения.

Странное чувство, будто кто-то наконец-то видит во мне не бизнесмена, не владельца сети отелей, а просто человека. И это... неожиданно приятно.

Подхватываю ее на руки. Смотрю еще внимательнее.

Нет, кажется, она на меня совсем не похожа.

Полная противоположность.

Я смуглый и брутальный.

Она белокожая, рыжая и нежная, как...

Нет, она не напоминает мне бывшую. Это бред.

И сейчас мне не до сентиментальных воспоминаний.

На повестке дня — чертова ленточка.

— Значит, поможешь? Хорошо. Только... — Наклоняюсь к ее ушку. — Можешь не называть меня папой, я не обижусь.

— Почему это не называть? Я знаю, что ты мой папа, — невозмутимо заявляет она, поднимая липкие ладошки, словно боясь меня испачкать.

— Знаешь? Откуда?

— От велблюда! Все говорят, что ты гад, потому что маму блосил. — Она делает паузу, затем добавляет с непоколебимой уверенностью: — Но я знаю — никакой ты не гад, тебя просто злая тетка заколдовала.

Да уж! Шикарное объяснение, ничего не скажешь.

Я открываю рот, но слова застревают где-то в горле. А девчуля продолжает:

— Она заколдовала, но это не страшно! Я знаю, как ласколдовать!

— Как?.. — голос звучит как чужой, срывается на полуслове, а рыжюля глаза закатывает, словно я не понимаю самых очевидных вещей.

— Поцелуем, конечно! — Ее глаза вспыхивают торжеством, будто она только что разгадала величайшую тайну вселенной. — Ты должен поцеловать мою маму!

Час от часу не легче. А вообще, кстати, креативный подход. Если ее мамашка научила — респект ей и уважуха. Мне даже интересно познакомиться с такой находчивой мадам.

— Просто поцеловать? — переспрашиваю смеясь.

— Конечно не плосто! — закатывает глазки малыха. — С любовью!

О, а вот тут загвоздка!

Не могу я с любовью. Не получается.

Не умею я любить.

Вернее, когда-то любил, пока мое сердце одна ушлая кукла не бросила в кислоту.

Теперь никакой любви.

Только расчет.

И жениться я решил тоже по расчету.

Кстати, о женитьбе.

— Но у меня есть невеста... — автоматически отвечаю, хотя после сегодняшнего к невесте большие вопросы.

— Она неплавильная! — девочка решительно трясет головой, рыжие кудри прыгают. — Вот увидишь, мама тебе больше понлавится!

Ну, с мамой надо познакомиться, сто пудов. Но позже.

Я уже слышу, как нетерпеливо постукивает в микрофон ведущий и диджей нервно крутит диски за пультом. И толпа в нетерпении.

— Хорошо, я подумаю.

Механически беру ее за липкую от шоколада руку — она теплая, живая, такая маленькая — и веду к микрофону.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, наклоняясь, стараясь сдерживать эмоции.

— Даша!

— Что ж, Даша, спасибо тебе за то, что согласилась нам помочь. Без тебя наш город остался бы без этого шикарного парка аттракционов!

— Пожалуйста, папочка!

Толпа умильно ахает.

Ножницы в моей руке дрожат, когда мы вместе перерезаем ленточку.

Наконец, готово!

Поднимаю рыжую на руки, она держит в своих ладошках тот самый кусок ленты.

— Ура! — скандируют зрители, подогреваемые моими помощниками.

Аплодисменты оглушают.

— Парк аттракционов “Сказка” объявляю открытым, сегодня в честь открытия все развлечения работают бесплатно! Всем купившим сегодня карты скидка пятьдесят процентов! Приглашаю всех!

Я уже собираюсь спуститься со сцены, опускаю Дашулю на ноги

И тут...

— ДАША!

Голос. Тот самый. От которого пять лет назад сердце билось быстрее.

Поворачиваюсь медленно, не веря своим глазам.

И вижу ее.

Стоящую в первом ряду. Бледную, как полотно. Глаза — огромные, полные ужаса.

Даша вырывается и мчится к ней:

— Мама, мама, смотли! Мы ленточку пелелезали! Я папе помогла! Я молодец?

А я... Я просто стою.

Окаменевший.

С ножницами в руке. С челюстями, сжатыми до хруста.

И с прошлым, которое только что ворвалось в мою жизнь, сметая все планы как ураган.

Помощник осторожно трогает мой локоть:

— Босс?.. Всё в порядке?

Ни хрена не в порядке.

Потому что мир только что перевернулся. И я еще не решил — пытаться ли его поставить обратно.

— Маша?

Глава 2

За некоторое время до...

— Мама, ну скотее же! — Даша подпрыгивает на кухне, размахивая листовкой с яркой рекламой парка. Ее рыжие кудри взлетают, как огненный вихрь. — Мы же опоздаем на самое интелесное!

Я достаю из шкафа фирменную жилетку с логотипом парка. Ее выдали накануне вместе с инструкцией. На столе уже лежат коробки со сладостями. В списке обязанностей — продажа пирожных и конфет. Единственная подработка, которая позволяет брать дочь с собой. Ни родственников, ни друзей, кто мог бы посидеть с ней на такое долгое время, нет.

— Зайка, ты же знаешь, мне сегодня работать в ларьке со сладостями. Но если ты поможешь мне всё быстро подготовить...

— Конечно помогу! — Даша сразу выпрямляется, принимая важный вид. Ее зеленые глаза округляются. — Я же твоя главная помощница! Сначала лажложим пиложные, потом укласим витлину, как в плошлый раз? Я помню, как плавилоно!

— Моя умничка! — улыбаюсь я, глядя ее по голове. — С твоей помощью мы управимся в два счета.

— Мама? — Даша тычет пальчиком в рекламу. — Тут написано, что волшебник исполнит одно детское желание! Плавда же здолово?

Меня на секунду пронзает воспоминание — пять лет назад другой “волшебник” обещал мне целую жизнь. До сих пор помню тот день в деталях, будто это случилось вчера.

Я собираю чемодан — всего на пару дней, просто съездить к бабушке, помочь ей с переездом. До нашей свадьбы остается две недели.

До того момента, когда я, простая студентка из общаги, стану женой Егора Еремеева — успешного бизнесмена, владельца сети элитных отелей.

До сих пор не понимаю, что он нашел во мне. Я — в дешевых джинсах и растянутых свитерах, он — в костюмах ручной работы. Я скиталась по съемным углам, он владел половиной недвижимости в городе.

— Ты моя, — говорил он, когда я пыталась отстраниться, чувствуя себя не на своем месте. — Неважно, откуда ты. Важно, что ты — моя.

Его ладони были такими горячими, когда он сжимал мои пальцы:

— Переезжай ко мне. Забуди про эту конуру.

Я сопротивлялась — глупо, правда?

Боялась потерять себя. Боялась, что он одумается.

Но Егор не сдавался. Он присылал машину к университету, заказывал ужины при свечах в моей крохотной комнатке, терпеливо выслушивал мои сомнения.

— Ты думаешь, мне нужна кукла с обложки? — смеялся он, целуя мои веснушки. — Я устал от кукол. Ты — настоящая.

И я поверила. Поверила так сильно, что начала забывать, кто я без него.

— Я могу отменить встречи и поехать с тобой. — Егор берет из моих рук сложенное платье, его пальцы слегка задевают мои, оставляя на коже мурашки. — Скажи слово — и мы поедем вместе.

Я поворачиваюсь к нему, чувствуя, как подкашиваются колени от одного его взгляда.

— Нельзя, — мои пальцы вцепляются в складки его рубашки, будто сами не хотят отпустить. — У тебя же этот важный контракт... И подготовка к свадьбе...

Он притягивает меня ближе, и я тону в аромате его духов — древесины, цитруса и чего-то неуловимо родного.

— Буду скучать, — его губы нежно касаются моей шеи, заставляя сердце бешено колотиться. — Каждую минуту.

Его руки медленно скользят по моим плечам, и я закрываю глаза, позволяя этому ощущению запечатлеться в памяти.

— Просто возвращайся быстрее.

Я закрываю глаза. В этот момент он кажется таким искренним. Таким моим.

— Я всего на два дня, — смеюсь я, хотя внутри всё сжимается от мысли о разлуке, даже такой короткой.

— Слишком долго, — Егор отстраняется ровно настолько, чтобы я увидела обещание в его глазах. — Но к твоему возвращению приготовлю сюрприз. Особенный.

Я уезжаю с легким сердцем.

Возвращаюсь раньше на день — тоже хочу сделать ему сюрприз. Подъезжаю к нашему — нет, к его дому, и сразу вижу: мой чемодан стоит у двери. Аккуратно упакованный. Рядом стоит водитель Егора.

— Мария Сергеевна, — он избегает моего взгляда, — вас попросили освободить помещение.

В руке он держит купюры.

— На такси.

Я не беру деньги. Просто стою, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

А потом — две полоски.

Звонок... Гудки... “Абонент недоступен”...

Я звоню снова. Снова. Снова.

Молчание.

Телефон Егора не отвечает. Ни тогда. Ни через час. Ни через день.

Через неделю я понимаю — меня просто вычеркнули. Как ошибочную запись в ежедневнике.

Решаю оставить ребенка. Не для него. Для себя.

Но иногда, глядя на рыжие кудри дочки, ловлю себя на мысли:

как бы он отреагировал, если бы узнал?

Потом вспоминаю тот чемодан у двери. И понимаю — мне всё равно.

Я моргаю, прогоняя воспоминания.

Волшебник. Ха. В рекламе говорили, что спонсор исполнит мечту одного ребенка. Наверняка это просто пиар-ход. Но как объяснить это маленькой девочке, которая верит в чудеса?

— Конечно, зайка. Только сначала — мой ларек, договорились? Нужно успеть всё подготовить до открытия.

Она драматично вздыхает, но тут же хватается свой рюкзачок с единорогами — наш неизменный спутник в рабочие дни.

Я смеюсь, поправляя ее криво завязанный бант.

— Ну уж нет, моя принцесса, никаких желаний про десять порций мороженого на завтрак!

— Ма-а-ам! — Она закатывает глаза с преувеличенным возмущением. — Я же не маленькая! Я хочу... хочу...

Вдруг ее лицо становится серьезным.

— Хочу, чтобы у нас был свой домик. Как у Кати из моей группы. С лозовыми занавесочками и цветочками в саду. И чтобы у меня была комната на втором этаже! И потолок со звездочками! Мама, я очень хочу! Пусть волшебник исполнит мое желание!

Мое сердце екает. Пять лет назад он обещал мне дом с мансардой и садом. Обещал многое...

— Мама, ты опять в облаках! — дочка дергает меня за руку. — Пошли уже, а то волшебник улетит!

Я беру ее за руку — такую маленькую и теплую.

— Пошли, солнышко. Но сначала — работа, а потом волшебник, договорились?

Она кивает, и мы выходим из квартиры под ее непрекращающийся поток слов о том, какие аттракционы обязательно нужно посетить. А я лишь улыбаюсь, глядя на это рыжее чудо — мое единственное сбывшееся желание.

— Мам, на самом деле у меня есть другое желание, заветное. Но тебе же можно сказать, да? Ты же мама?

— Конечно, можно, малышка!

— Мам, я хочу, чтобы папа был с нами. Я знаю, что он есть, и он заколдован. А что, если я поплочу волшебника его ласколдовать?

Глава 3

Заколдован! Черта-с два он заколдован...

Двигатель старенькой “Лады” кашляет на каждом ухабе, а я сжимаю руль так, что пальцы немеют. Каждый раз, садясь за руль, я молюсь, чтобы сегодня она не подвела.

Лучше думать о машине, чем о бывшем. Так мне легче.

Эту машину я взяла в кредит три года назад — старую, но свою. Первую в жизни. Помню, как дрожали руки, когда подписывала документы в банке. Мечтала о мобильности: чтобы не трястись в переполненных автобусах с коляской, не ждать часами такси под дождем, не зависеть ни от кого.

Теперь я завишу от банковских платежей. Они съедают треть моих заработков, да еще и ремонтировать ее постоянно приходится. То тормоза заскрипят, то сцепление начнет буксовать, а в прошлом месяце пришлось менять стартер — отдала почти всю зарплату.

Иногда кажется, что эта железная коробка с четырьмя колесами управляет мной, а не я ею. Но когда вижу, как Даша радостно запрыгивает на свое место, пристегивается и с гордостью говорит: “Это наша машинка!” — понимаю, что всё это того стоит.

Лучше бы моя куколка загадала новую машину, чем...

Папа... Заколдован.

Если бы я могла поверить в то, что его заколдовали! Но нет, папа моей девочки оказался просто лжецом.

Поматросил и бросил.

Попользовался и...

Не важно.

Не нужен нам никакой папа.

Лучше машина. Новая!

Или хотя бы чтобы эта не ломалась так часто!

Зато у нее есть багажник, и в нем сейчас громоздятся коробки со сладостями — макаруны, эклеры, корзиночки с кремом. Они пахнут ванилью и миндалем, и этот запах смешивается с запахом бензина и старого пластика.

Хозяйка вечера вечером сказала сквозь зубы, глядя на меня поверх очков:

— Всё должно быть продано. До последней крошки. Иначе останешься без зарплаты.

Эти слова до сих пор отдаются тяжелым эхом в животе, и ощущение такое, будто я проглотила камень. Я знаю, что она не шутит — в прошлый раз, когда я не продала всё из-за дождя, она вычла недостачу из моей зарплаты. Пришлось мне две недели питаться пустыми макаронами и гречкой. Хорошо, что Дашка поверила, что у меня диета, на ее еду мне, к счастью, хватало.

— Только бы дотянуть до парка, — шепчу, бросая взгляд на Дашу.

Она ерзает на сиденье, ее ноги в белых гольфах болтаются в такт веселой песенке, которая играет по радио. Она напевает что-то себе под нос, ритмично покачивая головой.

— Мама, мы успеем? — Пальчики дочки нервно барабаниют по подлокотнику детского кресла. — А то вдруг там уже началось представление? А волшебник, он какой? Может, будет в цилиндре и с белым кволиком!

Ее глаза полны надежды, и мне становится больно оттого, что я не могу подарить ей больше чудес.

Мы успеваем. И когда наш старенький автомобиль, наконец, въезжает на парковку, Даша замирает на мгновение, а затем взрывается восторгом. Она видит разноцветные гирлянды, огромное колесо обозрения, усыпанное огнями, и толпу людей в ярких нарядах.

— Ух-ты-ы-ы! — Ее глаза становятся огромными, как два блюдца. — Мама, смотри! Какая огломная калусель! И замок, настоящий замок с флагами! Я хочу туда!

Она прыгает на месте, не отстегиваясь от кресла, и тянет меня за рукав.

— Мы точно в сказке, да? Ты видишь? Там, кажется, даже плинцесса есть! Смотри, в лозовом платье!

Я не могу сдержать улыбку, глядя на ее сияющее лицо. В такие моменты все трудности отходят на второй план.

— Вижу, зайка. Красота невероятная. — Беру ее за руку, помогая выбраться из машины. — Но сначала нам нужно разгрузить наши сокровища. Без этого никакой сказки не получится.

Достаю из багажника большую складную сумку на колесиках, бережно укладываю в нее коробки с хрупкими макаронами и эклерами. Они такие нежные, что кажется, вот-вот рассыплются от одного неловкого движения. Тяжеловато, но мы справляемся вместе — Даша важно несет маленькую корзинку с зефиром, как самое ценное сокровище. Она так сосредоточена, что даже высунула кончик языка от старания.

— Осторожно, мама, тут дылочка в асфальте! — предупреждает она, и я невольно улыбаюсь ее серьезности.

Забавно ковыляя с перевешивающей набок сумкой, мы пробираемся к моему ларьку. Воздух пахнет сахарной ватой и жареным миндалем, играет праздничная музыка, смех детей сливается с криками продавцов. Даша не сводит глаз с карусели, и я знаю, что придется пообещать ей прокатиться, как только закончу работу.

Я расставляю сладости на прилавке, стараясь сделать всё красиво. Кремовые корзиночки — ближе, макаруны — под стекло, чтобы их было видно, но нельзя было случайно задеть. Руки автоматически выравнивают ряды, а мысли улетают куда-то далеко.

Вот так же когда-то я расставляла краски на своем столе в общежитии, мечтая о карьере дизайнера.

Диплом дизайнера. Три года в университете. Мечты о собственном бутике, о коллекциях, которые будут носить уверенные в себе женщины. Я представляла, как буду работать в светлой студии с большими окнами, а не в душном ларьке, где пахнет сливочным кремом.

Всё похоронила сначала любовь, потом беременность.

Егор казался таким надежным, таким любящим... А потом...

Нет, не хочу вспоминать! Всё в прошлом!

Было тяжело, да. Оплаты за работу на дому — открытки, логотипы для мелких фирм — едва хватало на памперсы.

Но теперь у меня появился шанс: собеседование в крупной компании совсем скоро. Если возьмут... Это будет первый шаг к той жизни, о которой я всегда мечтала.

Я смогу дать Даше больше, чем просто выживание.

Мне больше не придется торговать. Я начну развиваться, потом открою свое дизайн-агентство, и мы с моей крошкой наконец заживем припеваючи.

Поворачиваюсь к подошедшим клиентам — молодой паре с ребенком. Малыш тянет ручку к яркому макарону, а родители улыбаются, видя его восторг. Они долго выбирают, что купить, просят показать то эклеры, то макаруны. Я показываю товар с улыбкой, потом упаковываю, вбиваю сумму в терминал для оплаты, передаю его им.

На несколько минут они полностью закрывают собой обзор, отгораживая меня от игровой площадки, где осталась Даша.

Я слышу ее смех где-то рядом, и это немного успокаивает.

Когда они наконец уходят, с довольным видом уплетая сладости, я обвожу взглядом пространство вокруг ларька.

Ищу в толпе рыжие кудри и желтое платьице.

Где Даша?

Минуту назад крутилась рядом, рисовала мелом на асфальте, показывала мне свой шедевр — что-то похожее на замок с радугой. А теперь...

Только яркий розовый мелок, валяющийся у ног, рядом с недорисованным солнышком. Паника накатывает мгновенно, холодной волной, сжимая горло.

Кручу головой в ужасе.

Я должна найти дочь! Должна!

Ларек так просто не закроешь, надо убрать товар, но времени нет.

Смотрю на соседа, меланхоличного парня. Мы с ним знакомы, он тоже работает на мою хозяйку, торгует хот-догами.

— Саш, присмотри за ларьком! — кричу ему, и мне плевать на правила, на хозяйку, на эти дурацкие сладости. Пусть всё украдут, пусть уволят — лишь бы она была цела.

Сердце колотится так, что в висках стучит, и каждый удар отдается болью в груди.

Бегу по аллее, толкаясь о плечи прохожих, не извиняясь. Голос срывается, когда я хрипло спрашиваю у клоуна с шариками, у женщины с коляской, у пожилого сторожа:

— Девочку не видели? Рыжая, в желтом платье!

Мне показывают в разные стороны, я киваю и мечусь туда-сюда, цепляясь взглядом за каждую рыжую головку. Вот мелькнули хвостики — нет, не та.

Вот засмеялись знакомо — оборачиваюсь, а это чужая девочка на руках у папы.

Отчаяние сжимает горло тугой петлей. Я уже готова бежать к администрации, чтобы объявить по громкой связи, как вдруг...

Нет. Не может быть.

Дыхание обрывается. Ноги становятся ватными.

Прямо на сцене, рядом с огромным баннером “Сказка! Мы открылись!”, стоит Даша. И держит ее за руку... он. Егор.

Мой бывший. Отец, которого она никогда не знала.

Его глаза встречаются с моими. Время замирает. Шум парка стихает, превращаясь в гулкий звон в ушах.

А Даша, моя наивная Даша, сияет и кричит, гордо подняв подбородок:

— Мама, мама, смотри! Мы ленточку пелелезали! Я папе помогла! Я молодец?

Внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок. Мир замирает и резко сужается до маленькой точки.

Глава 4

— Маша...

Голос звучит хрипло, будто слова с трудом протискиваются сквозь сухое горло. — Ты что тут делаешь? Это... твоя дочь?

Низкий, знакомый до боли, тот самый, что когда-то шептал мне слова любви, а теперь обвиняет.

Я чувствую, как кровь отливает от лица. Руки холодеют — не просто от страха, а от неожиданности, от нахлынувшей волны воспоминаний, оттого, что сердце не понимает: радоваться встрече или биться в панике.

А в висках стучит — не только пульс, но и прошлое, которое настигло меня здесь, в этот миг, без предупреждения.

Мои глаза скользят по его фигуре, отмечая каждую деталь: он всё такой же ослепительно красивый, но стал старше, мужественнее. Широкие плечи, уверенная осанка, дорогой костюм, сидящий безупречно. Он по-прежнему производит впечатление человека, привыкшего владеть ситуацией.

— Даша, иди к маме.

Хватаю Дашу за руку, инстинктивно пытаюсь оттянуть ее назад, спрятать за своей спиной, создать хоть какую-то преграду между ней и этим человеком, чье появление грозит разрушить наш хрупкий мир.

Но она вырывается с проворством маленькой рыбки, ее пальчики легко выскользывают из моей дрожащей ладони. Летит к папе.

— Мама, это же папа! Я его нашла! — пищит восторженно, отчего мое сердце больно сжимается, но нельзя поддаваться эмоциям.

Нужно немедленно увести ее.

— Даша, я сказала, иди ко мне, — говорю твердо, а потом добавляю, глядя на бывшего: — Извините, это недоразумение. Мы пойдем.

Он застывает, и я вижу, как его глаза, такие же пронзительные и яркие, как раньше, перебегают от моих испуганных глаз к Дашиным, полным любопытства и восторга, затем снова ко мне, будто Егор пытается сложить пазл, который не сходится.

— Стоять. Почему она говорит, что я ее отец? — он бросает слова сквозь зубы. Жестко. С металлом в голосе. — Что это значит?

В его глазах зарождается гнев, я всё же подтягиваю к себе малышку, взяв за руку.

— Зайка, это не твой папа, — выдыхаю я, и мои губы немеют от лжи, которая кажется хрупкой, как стеклянный шар. — Ты ошиблась.

— Мой! — заявляет моя рыжая бестия, топая ногой. — Я слышала, как ты с тетей Катей говорила! И фотоглафию папы видела!

Голос дрожит, но я цепляюсь за эту спасительную ложь, как утопающий за соломинку:

— Ты ошиблась, солнышко.

Вижу, как глаза Егора, такие знакомые и такие чужие, злобно щурятся, в их глубине зажигаются холодные искры.

— Ты меня обманывала, — говорит он медленно, растягивая слова, и каждое из них падает, как тяжелый камень, — и еще ребенка решила обмануть?

— Никого я не обманывала, — пячусь назад, пытаюсь утащить Дашу, которая упирается всеми четырьмя конечностями. — Нам надо идти.

И тут из толпы появляется красивая блондинка.

— Милый, прости, я опоздала! — бросается она к нему, ее голос звонкий и беззаботный, и она совершенно не замечает нас.

И я узнаю ее!

Узнаю мгновенно. Это та самая Анита, невеста моего бывшего, которую его мать, Ангелина Леонидовна, ему навязывала. А он выбрал меня. На тот момент.

Меня бросает в ледяной пот. Я прекрасно помню, как мать Егора терпеть не могла меня, считала недостойной своего сына, не ровней.

И вот... она добила своего. У Егора теперь подходящая, “правильная” избранница. А мы с Дашей... мы просто лишние на этом празднике жизни.

Пользуясь тем, что Егор отвлекся на свою невесту, я резко тяну дочку за руку назад, к ларьку. Голос дрожит от обиды и страха:

— Солнышко, зачем ты убежала! Нельзя так делать! Я чуть с ума не сошла!

Но моя рыжая бестия решительно вырывается. Ее глаза горят непонятной мне решимостью.

— Подожди, мамочка, я кое-что забыла папе сказать! — выкрикивает она и несется прочь, как неумолимый ураган.

Сердце замирает. Я вижу, как она быстро-быстро перебирает по ступенькам маленькими ножками, взбираясь на сцену. Она не раздумывая летит к той... к Аните. И прежде чем я успеваю что-то понять, ее шоколадные ладошки впиваются в белоснежное, наверняка дико дорогое, платье невесты.

Раздается истеричный визг:

— Ах ты, мелкая дрянь! Ты что натворила?!

Глава 5

Со страхом наблюдаю, как Анита наклоняется к Даше. Сердце останавливается. Вдруг она ее ударит!

Идеально подведенные глаза сужаются, тонкие губы искривляются в гримасе отвращения.

У меня всё сжимается внутри.

Она трясет испачканным подолом своего платья.

— Кто теперь мне заплатит за химчистку? Да я тебя заставлю это руками оттирать! И тупую мамашу, которая не смотрит за своим невоспитанным ребенком! Эй! — кричит она, бегая глазами по головам людей возле сцены, которые не без интереса смотрят на бесплатное представление. — Чей это ребенок?

Даша замирает. Ее плечики поднимаются к ушам, а глаза становятся огромными, влажными от внезапно нахлынувшего испуга. Губки дрожат, и первая тихая слезинка скатывается по щеке, оставляя блестящий след.

Вторая. Потом еще.

Эти беззвучные слезы режут мое сердце острее любого ножа.

Я уже бегу обратно к сцене, не чувствуя под ногами ступенек. Падаю на колени, обнимаю малышку. Прижимаю ее к себе, маленькое тельце беззвучно сотрясается от рыданий.

— Не плачь, солнышко, всё хорошо, — шепчу я, но внутри меня всё разрывает от злости и негодования.

Это просто платье! Кусок ткани! Как можно из-за него так терзать ребенка?

Поднимаю голову. Анита смотрит на меня взглядом, полным такой ядовитой ненависти, что по коже бегут мурашки.

Егор стоит рядом. И лицо его напоминает маску из камня, но я замечаю, как дрогнул его подбородок и напряглись пальцы, сжатые в кулаки.

— А! Ясно! — хмыкает его невеста, смерив неприязненным взглядом меня в фартуке и специальной шапочке. — Теперь понятно, почему она такая невоспитанная! Тебе просто некогда за ней смотреть, торговка! — Анита почти рычит, ее идеальный макияж не скрывает искаженное злобой лицо.

— Хватит! — рывкает Егор, резко обрывая ее.

Он делает шаг вперед, и его тень накрывает нас с Дашей.

И тогда происходит нечто, от чего у меня перехватывает дыхание. Он внезапно опускается на одно колено перед моей дочкой. Его большая, сильная рука осторожно берет ее крошечную, испачканную шоколадом ладошку.

— Не надо плакать, — говорит он, и его голос неожиданно тихий, совсем не тот, что только что гремел. — Всё в порядке. Смотри, мы сейчас всё уберем.

Он достает из внутреннего кармана пиджака упаковку влажных салфеток. И начинает аккуратно, с невероятной для его внешней суровости нежностью, вытирать ее пальчики. Его движения точны, сосредоточены. Он не смотрит ни на кого, кроме нее.

— Егор! Ты с ума сошел?! — визг Аниты достигает пика. Кажется, она готова прямо-таки наброситься на него. — Ты знаешь, сколько стоит это платье?! Ты должен сейчас же везти меня в бутик, а не возиться с этой... с этой уличной замарашкой!

Он игнорирует ее, словно ее просто не существует.

Сосредоточен только на Даше, на ее ладошке.

И тут раздается новый голос. Тягучий, пронизанный ледяным спокойствием и непрекращаемой властью.

— Что здесь происходит?! Мне кто-то объяснит?

Вздрагиваю и замираю, наблюдая, как на сцену важно и степенно поднимается Ангелина Леонидовна, мать Егора.

Узнаю ее тут же. Моя несостоявшаяся свекровь.

Она, как всегда, выглядит идеально.

Ее карамельного цвета волосы уложены в безупречную гладкую прическу. На ней строгий костюм цвета кремового цвета, и он сидит так, словно сшит прямо для нее. Холодные глаза медленно скользят по сцене.

Даша издает тихий, испуганный звук и зарывается лицом в мою шею, ее маленькие ручки впиваются в меня с такой силой, будто она хочет спрятаться во мне. Ее всю буквально трясет от страха.

Взгляд Ангелины Леонидовны останавливается на мне. В ее глазах не просто неприязнь. Это бездонная, холодная пропасть презрения.

И она мгновенно выносит приговор.

— Снова ты, — выплевывает она. — Мало тебе было проблем, которые ты устроила моей семье? Решила устроить цирк на публику? Еще и девчонку свою притащила!

По спине бегут колючие мурашки. Но я не опускаю глаз. Молча встаю и беру Дашу за руку. Мои колени дрожат, но я выпрямляю спину.

Я не дам ей увидеть мой страх.

И тут Даша наклоняется к Егору и что-то говорит ему на ухо.

А я, которая стоит рядом, всё слышу.

— Это та самая ведьма... Это она тебя заколдовала. Плавда. А мамочка... мамочка тебя очень любила. Она не виновата.

Всё вокруг нас замирает.

Я вижу, как Егор буквально коченеет. Его словно током ударило.

Он медленно поднимает на меня взгляд, смотрит так пристально, а у меня шум в ушах.

И сердце заходится.

Вижу, что он хочет что-то сказать, но не успевает, потому что слово берет его властная мать.

Ангелина Леонидовна фыркает, ее тонкие губы складываются в ядовитую усмешку.

— Какие нелепые фантазии. Немедленно уברי эту... эту...

Она так смотрит на Дашу, что если бы я верила в мистику и волшебство, то точно бы решила, что она ведьма и она способна околдовать.

Но ждать этого я не намерена.

Не даю ей договорить. И не смотрю больше ни на кого. Хватаю дочь в охапку, несмотря на то, что она не такая уж маленькая и довольно тяжелая, просто тащу прочь. Прочь от этих ужасных людей. От их странных взглядов и ядовитых слов.

— Маша... — голос Егора звучит словно сквозь вату. Не останавливаюсь, не торможу, успеваю услышать, как его мать отвечает.

— Егор, стой, я... у меня кружится голова, кажется, это криз... Держи меня.

Я не смотрю туда, где ведьма заканчивает спектакль.

Ступаю твердо, хотя сердце колотится где-то в горле. Ухожу с высоко поднятой головой. Потому что в моих руках всё, что имеет значение.

Моя дочь.

Глава 6

Я всё еще пытаюсь успокоить Дашу, убеждая, что убегать от мамы нельзя, ни за что на свете! Что это точно был не папа!

И дома мы всё разберем по полочкам, хотя сама чувствую, как у меня внутри всё переворачивается от ее истерики и этой жуткой ситуации.

И в этот момент мой взгляд машинально скользит к нашему ларьку с пирожными.

И я замираю.

Нет! Как же так?

Стойка открыта. Витрина, которую я с утра забила свежими пирожными и макаронами, абсолютно пуста. Ни крошки. Даже лоток для мелочи перевернут. Только одинокий кулек из под сахарной пудры катится по асфальту, подгоняемый ветром.

И нет никого. Того самого парнишки из соседнего ларька с хот-догами, которого я просила присмотреть за ларьком, и след простыл.

Киоск его закрыт.

Как он мог так запросто уйти? Так безответственно всё бросить?

Так уверенно кивал, мол, без проблем, я же свой.

Вот они — зумеры!

Всё внутри во мне обрывается. Встреча с Егором, с его невестой и матерью мгновенно отступает куда-то далеко, на задний план.

Есть только четкое понимание: работу я точно потеряла.

Я подвела дочь.

Нет. Нет-нет-нет.

Это просто кошмар. Не может быть.

Я подхожу ближе, будто в тумане. Трогаю пустые полки. Как будто тут и не было ничего. Словно муравьи всё счистили.

И тут слышу окрик.

Резкий, нетерпеливый. Вздрагиваю и быстро оборачиваюсь.

Хозяйка. Собственной персоной. Тучная, с насупленными бровями. Идет на меня грозно, просторный цветастый балахон колышется на ветру.

— Ну что, Мария? — спрашивает холодно, ноздри гневно раздуваются. — Как продажи? Всё распродала, я вижу? Молодец, ничего не скажешь! Вовремя я приехала! Как сердце чуяло, дай, думаю, заеду, заберу выручку. А то у тебя там сдача вечно к концу дня путается...

Она подходит ближе. Заглядывает в ларек поверх моей головы.

Я молчу. И она тоже. Может, она ждет, что я начну оправдываться, я не знаю.

Но я настолько в шоке, что и слова вымолвить не могу, лишь прижимаю к себе перепуганную Дашу, молясь, что смогу как-то договориться с хозяйкой.

Ее лицо багровеет.

— Это... что? — она тычет толстым пальцем в пустоту. — Где товар? Где деньги? Ты что, всё продала? Не может быть!

Я чувствую, как подкашиваются ноги. Горло пересыхает.

— Анна Петровна... Кое-то случилось. Тут... мне пришлось отлучиться. Ненадолго. Дочь... потерялась. Я попросила парня из соседнего ларька присмотреть... а он... ушел. И... всё украли.

Говорю и сама слышу, как это звучит. Как отмазка. Как детский лепет. В голове стучит: дура, дура, дура! Как ты могла? На кого оставила товар? На этого сопляка?

С другой стороны — а что мне оставалось делать?!

Хозяйка замирает. Смотрит на меня таким взглядом, будто хочет им прожечь.

— Украл... — повторяет она медленно. Словно пытается осознать, что случилось. И вдруг взрывается. — Да ты в своем уме?

Я инстинктивно отшатываюсь, прижимаю Дашу, которая жметя ко мне, испуганная этим криком.

— Ты мне всё вернешь! — она орет так, что на нас уже смотрят прохожие. — Весь товар! И деньги! Каждую копейку! И неустойку за сорванный рабочий день! Сто тысяч! Ни копейкой меньше!

Сто. Тысяч.

У меня в ушах звенит. Земля плывет куда-то вбок.

— Какие... сто тысяч? — выдавливаю я. — Товара было на тридцать... максимум... Я... у меня таких денег нет...

— А меня не волнует! Где хочешь, там и бери! Продай почку! Это твои проблемы, мамаша! Ты за всё отвечаешь!

Она тычет пальцем мне в грудь. Тяжело дышит.

— Вернешь деньги за весь украденный товар! До последней крошки. Иначе я на тебя в полицию заявление напишу! За халатность! За растрату! Увидишь, что с тобой будет!

В глазах темнеет. Сто тысяч. Я не могу отдать сто тысяч.

Мне нужно покупать еду, платить за садик, отдавать кредит на машину...

— Анна Петровна, умоляю... — голос срывается на шепот. — Дайте срок... я буду работать... бесплатно... всё отработаю...

— Ага, щас! — фыркает она. — Слиянешь в первый же день! Всё, свободна. И чтоб завтра же деньги были у меня на столе. Поняла?

Разворачивается и уходит. Тяжелая, неповоротливая. Такая бездушная.

А я остаюсь стоять посреди шумного, веселого парка. С пустым ларьком. С испуганной дочкой, которая тихо плачет.

И с долгом в сто тысяч.

Это конец.

Даша плачет, прижимается ко мне, вся вздрагивает. Заливается горячими слезами.

— Мамочка... плости... — всхлипывает она, и у меня сердце просто разрывается на кусочки. — Это из-за меня... Я думала, папа холостой... Думала, он тебя поцелует... и ласколдуется... и мы все вместе...

Моя малышечка!

Она просто хотела найти папу. Расколдовать его для меня. Чтобы он меня поцеловал и всё стало как в сказке. А получилось...

Господи, да как же так-то? Она же ребенок. Она придумала всё это только потому, что я не сказала ей правду. Я... я ее обманывала, говорила, что папы у нее нет.

А она услышала, как я обсуждала Егора с подругой, показывала ей фото в интернете, а моя крошка умная, она наверняка заглянула в ноутбук, когда я пошла провожать подругу.

Она увидела своего папу. Узнала его имя.

И придумала себе сказку, которая обязательно исполнится!

Ведь чудеса случаются — в это верят все дети на свете.

Обнимаю ее крепко-крепко. От нее всё еще пахнет шоколадом, который Егор вытирал с ее ладошек.

— Зайка моя... да что ты, что ты... — Глажу ее по спинке, сама еле держусь, чтобы не расплакаться. — Ты ни при чем. Нисколько. Это я виновата, что отлучилась. И тот дядя плохой, что ушел. А папа... — сглатываю комок в горле. — Не нужен нам никакой папа. Честно. У нас всё будет хорошо. Сами справимся.

Говорю и сама себе не верю. Хорошо? Какой хорошо? Работы нет. Денег нет. Хозяйка содрать хочет сто тысяч. Откуда я их возьму? Это же неподъемные деньги. Просто астрономическая сумма.

В кармане вдруг вибрирует телефон. Сердце екает — ну что еще? Хозяйка, наверное, забыла еще что-то дополнительно предъявить.

Достаю телефон. Смотрю на дисплей.

Не хозяйка.

“Уважаемая Мария Сергеевна! Напоминаем, что у вас образовалась задолженность за жилищно-коммунальные услуги в размере 18 754 руб. 32 коп. Во избежание начисления пени просим погасить долг в течение 3-х дней”.

Голова кружится. Мне дурно. Восемнадцать тысяч. Еще и коммуналка. Да как же так? Я же вроде платила... В прошлом месяце... Или нет? Голова кругом. Работа, Даша, вся эта суета... Наверное, пропустила.

На что жить? Вот прямо сейчас. Завтра же надо за продукты платить. Бензин залить. А тут — восемнадцать тысяч. И сто тысяч. Сто. Тысяч.

Дно. Кажется, вот оно. Дальше уже некуда. Полная безнадега.

Даша трогает меня за щеку мокрой ладошкой.

— Мам? Ты чего?

— Ничего, солнышко... Всё хорошо... — автоматически говорю я. Голос как у робота.

И тут телефон снова вибрирует. Еще одно сообщение. Думаю, уже всё, сейчас или коллекторы напишут, или из банка насчет кредита.

Открываю.

И кровь стынет в жилах.

Незнакомый номер. Но текст...

“Мария, добрый день. Нам нужно встретиться. Ангелина Леонидовна Еремеева”.

Стою и не могу пошевелиться. Руки онемели. Ангелина Леонидовна. Его мать. Та самая “ведьма”, как ее назвала Даша.

После всего, что было сегодня. После ее взгляда, полного ненависти и презрения. Она хочет встретиться. Зачем? Чтобы добить? Чтобы сказать, чтобы мы исчезли и не позорили ее семью? Чтобы предъявить что-то еще?

Паника подкатывает комом к горлу.

Что мне ей ответить?

Глава 7

Егор

Открытие прошло на ура. Идеально.

Ленточка перерезана, толпа ликует, дети носятся как угорелые, кассы трещат. Бизнес-план выполнен на все сто пятьдесят процентов.

Супер.

Черт бы побрал это всё к чертям собачьим.

Настроение — ниже плинтуса. Гадко на душе. Противно.

Как будто проглотил что-то несвежее. И оно теперь комком в желудке лежит.

Тяжелым. Мерзким.

Анита устроила цирк прямо после того, как Маша увела дочь.

И после того, как я отправил стонущую мать с якобы кризом отлежаться дома.

Только вот ясно было, что никакого криза нет. Мать просто сыграла спектакль, чтобы не дать мне догнать Машу, уводящую мою дочь за руку.

И ей это удалось!

И это бесило так, что я взорваться был готов!

Но пришлось разбираться сперва с Анитой.

Она канючила, ныла. Делала вид, что ее обидели.

А я обидел? Нет.

Это она меня бесила своими вечными опозданиями.

“Я же звезда, меня все подождут”.

Угу. Подождали. Пока ребенок в желтом платье не выбежал на сцену.

Вначале казалось, что Анита — эффектная, уверенная, женщина с характером. А на деле — капризная кукла, которой только дай повод расплакаться или устроить сцену.

Ее кислое лицо до сих пор стоит перед глазами.

Вечно недовольное, вечно с претензией.

Даже сегодня — не выдержала, опоздала, сорвала момент.

С ней всегда так: всё ради нее, все должны крутиться вокруг нее.

И чем больше я думаю о нашем будущем, тем сильнее понимаю — она не та. Совсем не та.

А мама... Тоже влезла.

Моя мать умеет давить лучше любого бизнес-партнера.

— Егор, держись за приличную женщину, тебе нужна семья!

Да знаю я, что нужна! Только вот понятия по поводу приличной семьи у нас с ней разные.

Мама видит в Аните шанс на светскую партию.

Я же вижу одну сплошную пустоту.

И бесит, что мама всегда сует нос, куда ее не просят!

Всегда считает, что знает лучше.

Но она не понимает, что семья — это не истеричная фифа, а что-то совсем другое.

Я видел это другое сегодня.

Рыжая малышка влетела как ураган, разметала всё вокруг — и меня заодно. “Папа”.

Сказала так уверенно, что меня в грудь будто тараном ударили.

Никаких сомнений, никаких может быть — просто факт.

Папа.

Я стоял, держал ее маленькую ладошку и не находил слов.

Улыбка у нее была настоящая, без фальши, не как у взрослых.

Эти зеленые глаза — в них столько доверия светилось, что мне самому хотелось его оправдать.

Тут же вспоминаю Машины глаза — как бегал ее взгляд, как она его прятала.
Как будто я ее с поличным поймал!

Она точно что-то скрывает! А если девчонка и правда моя?

Нет. Нельзя в это верить. Нельзя вестись.

Она обманщица, ей нельзя верить.

Но червь сомнения уже завелся в голове.

— Милый, — Анита повисает у меня на руке, забрасывает руку на плечо, — я хочу в ресторан. В итальянский. Ты обещал.

Я сдерживаюсь. Глубоко вздыхаю. Считаю до трех, чтобы не сорваться.

Ресторан.

Опять этот пафосный лоск, эти притворные улыбки, эти разговоры ни о чем.

Почему я раньше не понимал, как меня это достало?

— Анита, задолбался я по ресторанам шататься, — отрезаю я, сбрасывая ее руку с плеча. Голос хриплый, самому непривычный. — Хочу нормальной еды. Нормальной домашней еды.

Она делает круглые глаза, будто я сказал что-то дикое.

— Домашней?.. — протягивает слово с таким презрением, что у меня челюсть сводит. — В смысле приготовить самим, как плебеи? Ты серьезно?

— Я про настоящую домашнюю еду, — говорю сквозь зубы. — Не кулинарные изыски от шеф-повара, а что-то простое.

— Фу, Егор, ну у тебя не может быть такого провинциального вкуса, — ужасается Анита. — Домашнюю еду готовят такие... как та самая курица с ребенком. Это ведь правда твоя бывшая? Та самая, из общаги? Боже, как низко ты пал тогда. Как ты вообще мог с ней...

Она не успевает договорить.

Я резко разворачиваюсь к ней. Весь сжался как пружина. Взглядом готов ее убить. Голос становится тихим, опасным, таким, от которого у нее наконец-то пропадает эта самодовольная улыбка.

— А ты не думаешь, — говорю я медленно, впиваясь в нее взглядом, — что я могу ее вернуть?

Она бледнеет. И это приятно. Пусть боится.

Я ведь и правда думаю. Вспоминаю Машу. Не светскую львицу, не звезду соцсетей. А простую, домашнюю девчонку-студентку.

Она стояла у плиты в моей старой футболке, смеялась, жаловалась, что у нее всё пригорает... Но на самом деле она готовила так, что я забывал про рестораны.

Память подбрасывает картинки, образы... Всё оживает в памяти.

Ее лучистая улыбка, заразительный смех. Эти веснушки. Руки в муке. Сковородка шкворчит, а в доме пахнет по-настоящему.

Хоть и не дом это был, а простая общага. И супчик простой, без изысков, котлеты она сама лепила, покупные не уважала.

Макароны по-флотски. Пюре с тушенкой из банки.

Но всё такое вкусное.

А рядом со мной сейчас эта кукла, которая даже яичницу пожарить не сумеет. И смеется над тем, что другие могут и умеют готовить.

Знаешь, Анита, а ведь может, именно этого мне и не хватало все эти годы. Домашнего. Настоящего.

И да, может, рыжая малышка права.

Может, никакой я не гад. Может, просто заколдованный идиот.

Глава 8

Маша

Утро тяжелое. Оно не приносит никаких ответов.

Веду Дашу в садик. Держу ее маленькую теплую ладошку, а внутри...

Пустота. Полная, оглушающая.

Будто вчерашний день с этой встречей с прошлым, с этими ста тысячами, с долгами по коммуналке... выскреб всё дочиста.

Вымел.

Оставил только вакуум.

Ничего больше.

Вакуум. Мрак. Безнадегу.

Голова гудит. Тело движется само по себе, на автомате.

Даша тараторит что-то, моя малышка. Полна сил, энергии.

Это хорошо. Рассказывает про свой рисунок.

У доченьки новая идея. Про папу, который обязательно станет добрым, как только она его нарисует. Я киваю. Улыбаюсь натянутой, деревянной улыбкой.

Губы не слушаются.

Лишь бы не заметила.

Лишь бы не увидела, что творится у меня внутри на самом деле.

В садике на прощание прижимаю ее к себе сильно-сильно.

Вдыхаю ее запах — детский шампунь, что-то беззащитное, родное.

Целую в макушку, в эти рыжие непослушные вихры. Отпускаю. Она убегает не оглядываясь, в свою веселую, шумную жизнь.

А я смотрю ей вслед и, развернувшись, ухожу.

Надо бежать.

Собеседование.

Моя надежда. Хлипкая, как соломинка.

За которую я цепляюсь из последних сил.

Прибегаю. Запыхавшаяся. За несколько минут. Сердце колотится где-то в горле, бешено, неровно. Ладони влажные, холодные. Сажусь на стул в приемной. Поправляю деловой костюм.

У меня единственный приличный наряд. Другого нет.

Пришлось надеть тот самый, который мне покупал Егор. Дорогая ткань, идеальный крой. Раньше я в нем казалась себе будущей молодой женой успешного мужчины. Счастливой. С мечтами о совместном будущем.

Но это всё в прошлом.

Теперь этот костюм сидит на мне не так хорошо, как прежде. Да и фасон устарел. Ткань немного выцвела. В общем, выгляжу я не очень.

Рядом присаживается девушка. Молоденькая совсем. Лет двадцать на вид.

Вот она одета с иголочки. Модное платье, обтягивающее, ей идет. Идеально гладкие волосы. Маленькая сумочка. Тоненький новенький телефон. Ухоженные ногти с идеальным маникюром.

Сразу видно, в чью пользу было бы сравнение.

Она бросает на меня быстрый, скользящий взгляд.

Сверху вниз. Кривит уголок губ. Едва заметно.

И всё. Я всё понимаю. Без слов.

Она полный комплект. Кандидат номер один.

А я в проигрыше.

Секретарь приглашает ее первую. Зовет по имени, будто они знакомы. Может быть, так и есть. Я жду. Минуты тянутся мучительно медленно.

Слышу за дверью сдержанный смех.

Когда наконец зовут меня... Встаю. Ноги ватные.

Захожу в кабинет, улыбаюсь интервьюеру. Строгая женщина в стильных очках берет мое резюме, на меня поглядывает исподлюбья.

— Почему мы должны взять вас на эту вакансию? — задает стандартный вопрос, к которому я, впрочем, готовилась.

И вроде слушает, что я рассказываю. И улыбается вежливо. Но взгляд пустой. Смотрит сквозь меня. Будто я прозрачная.

— Мы вам перезвоним.

Эта фраза... Мне всё сразу становится понятно, особенно когда я слышу, как ликующе вопит моя конкурентка, явно уже получив работу.

Собеседование со мной было простой формальностью.

Выхожу из офиса. Ноги не держат. Голова пустая, тяжелая. Дышу с трудом. Сколько можно? Сколько можно надеяться, верить, пытаться... и снова получать этот вежливый, холодный отказ?

Я стараюсь идти ровно. Держать спину.

Но внутри... внутри хочется кричать от разочарования.

На улице солнце. Оно бьет в глаза. Погода отличная.

А мне всё кажется серым. Сплошной серой пеленой.

Люди спешат куда-то. Смеются, разговаривают, живут свою жизнь.

И только я стою, в своем старом, убогом костюме, с потрепанной сумкой. И с ощущением... что я — отработанный материал.

Не модная. Не нужная. Некрасивая. Вышедшая в тираж.

Делаю шаг. Второй... И тут...

Сердце проваливается куда-то вниз. Резко. Больно.

У обочины резко тормозит машина.

Слишком знакомая ситуация для меня.

Когда-то так было.

Когда-то дорогая машина забирала меня из универса.

Она была поменьше и попроще той, что сейчас. Но...

Стекло медленно опускается.

И я вижу его.

Егор.

Выходит навстречу мне. Высокий, уверенный. В безупречном костюме. Будто сошел с обложки глянцевого журнала. Солнце играет на дорогих часах. Люди оборачиваются на него, не могут отвести взгляда.

Так всегда и было. Девушки его хотели, мужчины — завидовали.

Такой мужчина, как Егор Еремеев, не мог никого оставить равнодушным.

Застываю. Как кролик перед удавом. Не могу пошевелиться. Не могу воздуха даже глотнуть.

— Надо поговорить, — заявляет он.

И голос у него такой спокойный. И не скажешь, что мы вчера виделись. А эти пять лет разлуки... Их будто и не было.

Он останавливается прямо передо мной. Стоит так близко, что я чувствую аромат нишевого парфюма и свежести. Как раньше. От этого запаха у меня подкашиваются ноги.

Судорожно сжимаю ремешок своей старой сумки.

— Мне не надо, — выдыхаю я тихо, сдавленно, совсем не так, как хотелось бы. Слова получаются короткими, обрубленными.

Он не двигается. Его тяжелый, изучающий взгляд пробирает до мурашек.

— Это моя дочь? — спрашивает он.

Голос глухой, ровный, без единой интонации. От этого спокойствия становится в сто раз страшнее, чем если бы он кричал.

Я моргаю, стараясь осознать вопрос. Отступаю на полшага. Спина упирается в холодную стену здания.

— С чего ты взял? — выдавливаю я.

Внутри всё сжимается в комок.

Паника поднимается к горлу.

— Она же сама сказала. — Его губы трогают что-то похожее на усмешку, но нет, это не улыбка. Скорее... напряжение. Он достает из внутреннего кармана пиджака телефон. Дорогой, последняя модель. Скользит пальцем по экрану. Движения точные, выверенные. — И вот еще.

Он поворачивает экран ко мне.

Я замираю. На снимках — мальчишка лет пяти. Взъерошенные волосы, серьезный взгляд из-под нахмуренных бровей. Дальше — школьное фото: та же упрямая линия рта, смуглое лицо, глаза — темные, цепкие.

— Вылитая она, вернее, она — вылитый я, — говорит он глухо. — Сама посмотри.

Я качаю головой, поспешно отворачиваюсь.

— Нет, — говорю я, и голос дрожит, предательски выдает волнение. — Ничего общего. Она похожа на... на мою бабушку. Ты не отец. Оставь меня. Пожалуйста.

Он открывает рот, чтобы что-то сказать. Что-то резкое, колкое, я это вижу по складкам у его губ.

Но тут...

Дверь офиса с легким щелчком распахивается.

Быстрые, четкие шаги. Каблуки отбивают дробь по каменной плитке.

— Девушка! Подождите, вы забыли!

Это секретарь. Та самая, ухоженная, в идеальном костюме. В руках она держит мою папку. В ней — распечатанные работы, мое портфолио.

— О, спасибо, извините...

Я машинально протягиваю руку, принимаю ее. Прижимаю к груди как щит.

Как я могла забыть!

Секретарь задерживается на секунду. Ее взгляд скользит по мне, по моему потрепанному виду, по Егору в его безупречном костюме. В ее глазах мелькает понимание. Она наклоняется чуть ближе, опуская голос почти до шепота, чтобы он не услышал:

— У вас, знаете... неплохие работы. Очень даже. Но здесь... — Она едва заметно кивает на дверь офиса. — Берут только по блату. Родственники, свои. Не тратьте время.

Она делает паузу, оглядывается и добавляет еще тише:

— Попробуйте к Савельеву, в "Арт-Дизайн". Он может взять. Зарплата, да, меньше. Зато честно. Без кумовства.

Я сглатываю. В горле першит, голос садится.

— У них... нет вакансий, — отвечаю я так же тихо. Я уже звонила. Я всё проверила.

— Сходите. Лично. Поговорите. — Она смотрит на меня с неожиданной жалостью. — Может, возьмет вас. Он иногда так делает.

И бросив быстрый, почти испуганный взгляд на Егора, она разворачивается и почти бегом скрывается в здании.

Я остаюсь стоять с папкой в руках. Руки дрожат. Я не могу удержать их спокойно, сколько ни стараюсь.

— У тебя проблемы? — его голос звучит совсем рядом. В нем слышится не столько участие, сколько... любопытство.

Деловое. Оценивающее.

Я выпрямляю спину. Стараюсь вдохнуть поглубже, чтобы голос не дрожал.

— Просто ищу работу, — говорю я, глядя куда-то мимо него, в сторону проезжающих машин. — Мне ничего от тебя не нужно. Ничего.

Он делает шаг вперед. Всего один. Но этот шаг снова сокращает и без того крошечное расстояние между нами. От этого движения моя спина снова невольно прижимается к холодной стене. Бежать некуда.

— Зато нужно мне, — говорит он тихо. И в его глазах я вижу уже не просто любопытство. Вижу решимость. Твердую, непоколебимую. Ту самую, которая когда-то заставила его добиваться меня, а потом — выбросить из своей жизни.

Глава 9

Егор

— Делаем тест ДНК. Завтра, — требую, смотрю ей прямо в глаза.

Не отвожу взгляда. Она отшатывается, будто я ударил ее.

Краска с лица уходит — она бледнеет.

— Нет.

Только одно слово, и даже оно меня невероятно злит.

— Я хочу видеть свою дочь. Я имею право знать, моя она или нет, — давлю.

— Она не твоя! — выдыхает она. Глаза горят. От страха? Или от злости? — Уходи, Егор!

Оставь нас.

Вижу, что она вся дрожит. Нервничает.

Черт. Не с той стороны подошел. Меняю тактику.

— Как я понял, тебе нужна работа. Я помогу. Устрою, куда захочешь.

Развожу руками. Делаю предложение, от которого не отказываются.

Так мне кажется. Для меня это мелочь. А ей — помощь.

Вот только если ждал в ответ благодарности, то получаю кардинально другое.

Маша смотрит на меня с презрением, будто я предложил купить ее услуги. Кажется, сейчас плюнет в лицо.

— Ничего мне от тебя не надо. Ни-че-го. Слышишь? Я же сказала, оставь нас в покое!

Резко огибает меня и несется вниз по ступенькам, к остановке.

Я не успеваю опомниться, как она садится в подъезжающий автобус.

Даже не оглядывается.

Черт. Черт возьми!

Разворачиваюсь, бегу к машине. Сажусь за руль. Завожу мотор.

Надо успеть, не потерять ее из виду.

Еду за автобусом. Как сыщик в дешевом боевике. Смешно. Успешный бизнесмен, а преследую общественный транспорт.

Но я просто не могу упустить ее! Она должна мне объяснение!

Маша выходит на какой-то задрипанной остановке. Район унылый, дома серые, неприметные, и живет здесь явно не средний класс.

Торопливо идет по серой улице. Заходит в подворотню.

Знакомую. До боли знакомую.

Останавливаюсь. Смотрю на этот дом. Старый, облупленный. Я тут был. Пару раз. В самом начале. Когда она еще училась и заезжала к бабушке.

А теперь она тут живет. В этой развалюхе. С моей дочерью.

Вспоминаю, как мы познакомились...

Я случайно увидел ее в парке. Увидел и просто не смог пройти мимо. Она сидела на скамейке, никого не замечая. В потрепанных джинсах, какой-то цветастой кофте. Сосредоточенно рисовала что-то в блокноте, закусив губу.

Это картинка заставила замереть.

Я обычно таких не замечал. Творческих натур. Всегда твердо стоял на ногах, да и в парке оказался случайно. Переговоры затянулись, партнеры попросили время, чтобы переделывать договоры. Рядом с их офисом был парк.

Я пошел прогуляться... И вот увидел ее.

Что-то в ней было... непонятное, необычное.

Помню как сейчас момент, когда подошел к ней.

— А меня нарисуеть?

Снабжаю просьбу самой своей обаятельной улыбкой.

Девушка вздрагивает — так ушла в свои мысли, что даже не заметила, как я оказался рядом. Поднимает на меня глаза — зеленые, ясные — и смеется. Кажется, что колокольчик звенит. Смех ее чистый и искренний.

— Хорошо. Но только если вы потом не попросите деньги назад, когда поймете, что продолжения не будет.

Ого, вот так сразу! Приподнимаю бровь. Ошарашила так ошарашила. Обычно девушки на мои улыбки ведутся, а тут — на дыбы сразу. От ворот поворот.

Ну ничего, моя милая, я так легко не отступаю.

Девушка нарисовала шарж. Забавный, но удивительно точный. С моей же собственной ухмылкой. Передала ее на сто процентов.

Я забрал шарж и пригласил на кофе. Она отказалась.

— Я сама заплачу. А то вы заплатите за кофе, а потом будете считать, что я вам что-то должна.

Я тогда просто взбесился. На тех, кто так ее обидел, что она в простом предложении кофе видит подвох. И... заинтересовался по-настоящему.

На кофе я ее тогда уломал. Потом снова нашел в этом парке.

У нас закрутилось, хоть она и сопротивлялась.

Но я не отступал. Да и как отказаться от такой потрясающей девушки?

Искренней, нежной, уютной такой.

К тому же она оказалась девственницей.

В двадцать первом веке!

Стоило оказаться с ней в постели, как я понял — моя, больше не отпущу. Все эти продажные куклы, что окружали меня раньше, перестали что-либо значить. Хотел ее постоянно. По-черному. Яйца гудели. Нуждался как в воздухе.

И не только в постели. Рядом просто быть. Слушать, как она болтает ерунду. Смотреть, как она рисует.

А сейчас... Сейчас хочу всё о ней узнать. Всё, что пропустил. Каждую чертову деталь.

И главное — понять, почему мы на самом деле расстались?!

Тогда я был уверен, что она просто подло изменяла мне, причем не один раз, за лоха держала, мне предоставили и фото, и видео, и переписку.

Мне Маша говорила, что учится, к бабушке в деревню ездит, или куда-то там, а сама... сама ездила по отелям с какими-то хмырями.

Я хотел разобраться, но... у мамы на нервной почве было предынфарктное состояние, она слегла. Мои безопасники, которые тогда на меня и работали, подтвердили инфу, что Маша совсем не тот невинный цветочек, за который она себя выдает.

Я поверил.

Сейчас думаю, а не зря ли я поверил?

О стольких похожих ситуациях слышу, когда подставляют девушек. Маша ведь реально была такой нежной, невинной. Разве она могла гулять?

Я должен всё узнать.

Всё проверить.

Пусть поздно, но... лучше поздно, чем никогда!

Достаю телефон. Набираю номер безопасника, единственного, кому можно доверять. Кто копает так, что никто и не узнает.

— Слушаю, — отвечает сухо, по-деловому. Он не любит тратить лишних слов.

— Нужно выяснить всё о человеке. О женщине. Мария Парфёнова. Всё о ней за последние пять лет. Где работала, с кем общалась, чем болела, на что жила. Каждый чих.

— Сделаем.

Коротко рассказываю о Маше, самый минимум.

— Короче, особое внимание на момент нашего расставания. Кто с ней контактировал, с кем были связи, и куда она потом пропала, почему. Срочно. Цена не важна. Жду полный отчет как можно быстрее.

Вешаю трубку, даже не дожидаясь ответа.

Бросаю телефон на пассажирское сиденье.

Сижу в машине. Жду. Уже сорок минут торчу у этой проклятой панельки.

Вот и она. Выходит из подъезда. Идет быстро, взгляд опущен в землю. Невольно обрисовываю ее фигуру взглядом. А она похудела. Выглядит... измотанной, замученной. Раньше в ней был свет.

Куда он подевался? Кто или что его погасило?

Завожу мотор. Еду за ней. Медленно. Чувствую себя полным кретином.

Она заходит за калитку детского сада. Я вижу, как подходит к группке детей, от которой отделяется знакомая рыжая малышка.

Выхожу за ней следом, она меня не видит, а я слышу всё, даже на расстоянии.

Наблюдаю. И тут... Слышу плач.

Надрывный детский плач, такой жалобный, такой, от которого сердце разрывается.

Это же она! Рыжая забавная куколка! Она! Даша!

Даша рыдает, вся красная, захлебывается слезами.

Сжимаю руки в кулаки.

Да что случилось? Кто обидел мою дочь?

Почему-то в этот момент совсем нет сомнений, что она моя.

В груди больно отдаются удары сердца. Мне не всё равно.

Маша присела перед ней, гладит по головке.

— Зайка, что случилось?

— Ме-меня о-опять дразнили! — всхлипывает девочка, и у меня сердце вдруг останавливается.

— Дразнили? — голос у Маши потерянный.

— Да... опять... говорили... что я...

— Что?

— Что я сирота... что меня папа бросил, потому что я рыжая... Что у меня нет папы...

Как так? Кто смеет? У меня в глазах темнеет. Убивать хочется.

А Маша... Маша обнимает ее и говорит тихо, так, что я едва слышу:

— Хочешь... давай найдем тебе папу? Хорошего, доброго.

В смысле, НАЙДЕМ?!

В голове будто взрывается. Почему-то в этот момент я не сомневаюсь — я отец!!!

— Настоящего, зайка, хочешь?

А как же я?

Я же вот он. Настоящий папа. Живой. В трех метрах от вас стою.

Чувствую, как кровь к лицу приливает. Сейчас открою калитку, подойду...

Но не двигаюсь.

Просто смотрю, как моя дочь плачет из-за того, что у нее нет отца.

Отца, который боится сделать первый шаг.

Который прячется за машиной, тяжело дыша...

Я должен быть уверен, что она моя, потому что... Потому что мы расстались с Машей как раз из-за того, что я ее подозревал. Подозревал в неверности. Поэтому...

Мне нужен тест ДНК, а уже потом...

Потом я всем покажу, какой у рыжей куколки папа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.